

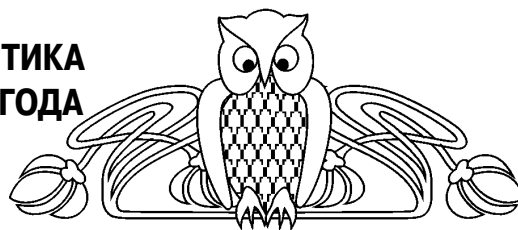

УДК 94(470)

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В АВГУСТЕ 1915 – ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА

В. А. Кустов

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kustovv@list.ru

В статье рассматривается позиция лидеров Прогрессивного блока по важнейшим вопросам внешней политики Российской империи в августе 1915 – феврале 1917 г. Автор подробно анализирует внешнеполитические приоритеты основных политических партий, входивших в парламентскую коалицию, причины нарастающих противоречий между думской оппозицией и самодержавием, а также исследует влияние российского парламента на внешнюю политику страны.

Ключевые слова: Государственная дума, Прогрессивный блок, политические партии, Первая мировая война, внешняя политика России.

The Progressive Block and the Russian Foreign Policy in August 1915 – February 1917

V. A. Kustov

The position of the Progressive Block leaders in the most important questions of the Russian foreign policy in August 1915–February 1917 is examined. The author analyzes foreign policy priorities of the main political parties, the reasons of the conflict of the Duma opposition and autocracy, and carries out the research of the Russian parliament influence on the country's foreign policy.

Key words: State Duma, Progressive Block, political parties, World War I, foreign policy of Russia.

Стремительная дестабилизация политической ситуации в стране, вызванная тяжелыми поражениями на фронте и разрастанием социально-экономического кризиса, создала необходимые условия для консолидации российской оппозиции. В августе 1915 г. шесть фракций Государственной думы (кадеты, прогрессисты, земцы-октябристы, «Союз 17 октября», группа центра, прогрессивные националисты) и три фракции Государственного совета (центр, академическая группа, внепартийные) объединились в межпартийную коалицию, получившую название «Прогрессивный блок». Патриотический подъем, характерный для русского общества в начальный период войны, сменился «патриотической тревогой». Оппозиция перешла к открытому противостоянию власти, стремясь задействовать все легальные ресурсы и механизмы политического воздействия. В отечественной и зарубежной историографии причины появления Прогрессивного блока, его внутриполитическая деятельность, изменения в программных установках и тактической линии довольно подробно изучены¹. Нас же будут интересовать внешнеполитические вопросы, поднимаемые парламентской коалицией, степень их влияния на внутреннюю

политику и взаимоотношения власти и оппозиции в августе 1915 – феврале 1917 г.

Создание парламентской коалиции, опиравшейся на поддержку двух третей представительных учреждений, ведущих общественных организаций, значительно усилило политический вес и амбиции либеральной оппозиции. «Прогрессивный блок на плечах русской общественности вынесет Россию из трудного момента, из кризиса, который мы теперь переживаем»², – заявляли представители думского большинства. В конце августа 1915 г. они были твердо уверены, что власть, оказавшись в изоляции, будет вынуждена пойти на сотрудничество, согласится сформировать правительство общественного доверия, провести умеренные преобразования. Однако вместо уступок и компромиссов самодержавие предприняло «крутой скачок вправо», распустив осеннюю сессию Думы, отправив в отставку «левых» министров. Крушение надежд на быстрый успех вынуждало искать новые средства давления. Только несколько месяцев спустя внешняя политика страны стала обсуждаться на заседаниях Прогрессивного блока и в конечном итоге оказалась в центре внимания оппозиции.

Поворот думского большинства к сфере международных отношений не был случаен. Внешнеполитические вопросы, выдвинутые Первой мировой войной, должны были помочь преодолеть организационные проблемы и существующие разногласия. Разработанная программа, по признанию самих парламентариев, носила слишком общий и декларативный характер³. Компромиссные решения формулировались в таких обтекаемых выражениях, что при желании их можно было трактовать в прямо противоположном смысле. Внешняя политика оставалась, пожалуй, единственной областью, способной сплотить межпартийную коалицию и нивелировать программные противоречия.

Ведущие лидеры оппозиционных партий (И. Н. Ефремов, Е. П. Ковалевский, В. А. Маклаков, П. Н. Милуков, В. В. Шульгин и многие др.) сходились в понимании внешнеполитических приоритетов Российской империи. С думской трибуны и в периодической печати они последовательно выступали за ведение войны до полной победы вместе со странами Антанты. Неудачный исход мирового противостояния ставил под вопрос великодержавное положение страны на

международной арене, экономическое и культурное процветание государства. Поражение или выход из войны в результате сепаратного мира представлялись думцам катастрофой для России, предательством ее национальных интересов. «В блоке война на первом плане. Это определяет блок»⁴, – неоднократно подчеркивали идеологи парламентской коалиции.

На заседании бюро Прогрессивного блока 30 ноября 1915 г. член Государственного совета Д. А. Олсуфьев предложил активизировать разработку внешнеполитических вопросов и поставить их на обсуждение в Думе и Госсовете. Представительные учреждения, по мнению оппозиции, должны были быть в курсе последних международных событий и свободно ориентироваться в информации внешнеполитического характера. Собравшиеся планировали обсудить ситуацию на Балканах и Ближнем Востоке, причины, побудившие вступить в войну Болгарию, союзнические предпочтения нейтральной Румынии. Парламентариям предстояло в ближайшее время заверить страны Антанты в решимости Прогрессивного блока продолжать войну до полной победы, так как, по словам М. М. Ковалевского, союзники «побаиваются преждевременного мира»⁵.

На том же заседании лидеры оппозиции подняли проблему подготовки к будущей послевоенной конференции. Согласованная внешнеполитическая программа была призвана оказать влияние и на общественное мнение в стране, и на внешнеполитический курс правительства. «Блок будет иметь огромное значение, подходя к миру. Надо готовиться»⁶, – уверенно заявлял А. В. Васильев. Впоследствии прогрессисты предложили создать при МИД особую межведомственную комиссию с привлечением представителей Думы и Госсовета для определения российских требований, выносимых на обсуждение мирного конгресса⁷.

Между тем призывы поднять в парламенте вопросы внешней политики вызвали неоднозначную реакцию. А. В. Васильев и М. М. Ковалевский поддержали инициативу Олсуфьева, заметив, что «выступления от блока были бы весьма действенны». Против был В. Н. Львов, считавший, что России и ее союзникам нужно решить прежде всего военные задачи, которые укажут «и путь внешней политике». В совершенно ином ключе высказался В. И. Гурко. «Выступать от блока нельзя, вопросы слишком сырые», – объяснял он свою позицию. Но и отказываться от внешнеполитической тематики было непростительной ошибкой. Апробацию внешней политики В. И. Гурко предлагал поручить политическим партиям: «Предоставить отдельным ораторам и лишь потом поставить на рельсы»⁸. Последний вариант, как показали события, и был взят на вооружение лидерами оппозиции.

Предварительным итогом совещания бюро Прогрессивного блока можно считать появление в министерстве иностранных дел депутатского за-

проса, составленного Е. П. Ковалевским (фракция земцев-октябристов) и П. Н. Милуковым (фракция конституционных демократов). Формальной причиной запроса была подготовка к рассмотрению в Государственной думе сметы внешнеполитического ведомства на 1916 г. В документе авторы изложили целый перечень критических замечаний в адрес министерства иностранных дел, акцентируя внимание на неэффективности политики союзников по отношению к нейтральным государствам.

Наибольшее беспокойство вызывала ситуация в Восточной и Юго-Восточной Европе – неопределенная позиция Румынии, усиление прогерманских настроений в Греции. Грубой ошибкой союзнической и российской дипломатии представлялась потеря в октябре 1915 г. Болгарии, что предопределило разгром Сербии и Черногории, свертывание военной операции союзников на Галлиполийском полуострове. Внешнеполитическое ведомство Российской империи должно было более решительно воздействовать на общественное мнение в Румынии и Греции «в столь серьезный для военного положения на Балканах момент»; принять дополнительные меры по противодействию немецкой агитации в других нейтральных странах, имеющих важное стратегическое значение (назывались Швеция, Испания, Соединенные Штаты)⁹.

Критику вызывали устаревшие приемы работы МИД, недостаточный уровень подготовки консульских работников, слабый кадровый состав заграничных представительств. «Не являются ли одной из причин наших дипломатических неудач, – задавались вопросом парламентарии, – недочеты личного состава дипломатического корпуса?»¹⁰. Кроме того, в документе затрагивались проблемы дипломатического и экономического сотрудничества с союзниками, совместная координация военных усилий стран Антанты. Представителей либеральных партий интересовала возможность участия в боевых действиях на Балканском полуострове Италии, оказание помощи союзникам со стороны Японии, которую следовало привлечь «в какой-либо форме к более энергичному и непосредственному участию в войне»¹¹. Очень скоро депутатский запрос дождался своего часа и внешнеполитические претензии оппозиции зазвучали с думской кафедры.

9 февраля 1916 г. Государственная дума возобновила свою работу. С правительственной декларацией, содержавшей уже стандартный призыв сплотиться вокруг монархии, положить конец внутренним разногласиям и помнить только о военной опасности, перед депутатами выступил председатель Совета министров. М. В. Родзянко вспоминал: «Декларация Штюрмера произвела удручающее впечатление: произнес он ее невнятно... она разочаровала. В длинных путанных фразах ничего не было сказано о намерениях правительства. Сошел он с кафедры при гробовой

тишине»¹². Речь премьер-министра вызвала негативную реакцию среди думского большинства. Внутриполитические требования, включая и создание «министерства общественного доверия», оставались неизменными.

В дискуссиях по вопросам внешней политики лидеры оппозиционных партий, следуя намеченной тактике, призывали довести войну до победного завершения и категорически отвергали возможность сепаратного мира. «Не исключено, что предчувствуя приближение истощения сил, – предостерегал П. Н. Миллюков, – Германия умерит свои притязания и будет не прочь вернуться к довоенному статус-кво, облекая свою уступчивость в известную формулу “без аннексий и контрибуций”»¹³. Поэтому опасность представляли два полярных политических фланга. Думской оппозиции необходимо было противостоять и крайне правым, и крайне левым, чтобы не допустить любые «преждевременные мирные маневры», от кого бы они не исходили.

Преследуя цель «организоваться» и усилить свое политическое влияние, Прогрессивный блок открыл новый фронт борьбы с властью. С думской трибуны в адрес внешнеполитического ведомства обрушился поток резких обвинительных речей. Представители кадетов, октябристов, прогрессистов фактически повторили основные претензии и упреки, изложенные в депутатском запросе. Они обвиняли министерство С. Д. Сазонова в излишней консервативности, неэффективной работе дипломатических представительств, неумении отстаивать экономические интересы Российской империи¹⁴.

Весьма низко оценивались внешнеполитические усилия МИД в Восточной и Юго-Восточной Европе. Наиболее часто упоминались потеря Болгарии, неудачные попытки привлечь в антигерманскую коалицию Румынию и Грецию, отсутствие практических мер в решении польского вопроса, грозившего перейти из области внутренней политики на международный уровень.

Помимо европейского направления в речах думских ораторов упоминались просчеты в политике на Среднем и Дальнем Востоке. Особое внимание вызывало положение в Персии, где в результате промахов российской дипломатии Германия захватила прочные торговые и политические позиции и едва не вовлекла в свою орбиту шахское правительство. Только принятие чрезвычайных мер, в том числе и введение дополнительного контингента, могло выправить положение. Прогрессист В. В. Миллютин полагал, что улучшить там положение России можно путем ликвидации по соглашению с Англией нейтральной зоны¹⁵. На Дальнем Востоке также требовалась более осторожная и взвешенная политика. Сближение со Страной восходящего солнца не означало, что Россия должна выбирать между Японией и Китаем, как представляли ситуацию в министерстве иностранных дел. Следовало поддерживать, по

мнению либералов, хорошие отношения с обоими соседями, не допуская распада Китая и ориентируясь на дружбу с Японией¹⁶.

Впервые с начала Первой мировой войны оппозиция выступила с развернутой критикой основных региональных направлений внешней политики Российской империи, настойчиво давая понять, что не останется сторонним наблюдателем и правительству придется считаться с ее взглядами при формировании и реализации внешнеполитического курса страны. Вместе с парламентскими приемами борьбы за влияние Прогрессивный блок активизирует и внедумскую деятельность. Примерно на рубеже 1915–1916 гг. оппозиционные партии предпринимают шаги по расширению связей с ведущими политиками стран Антанты, чему способствовали частые официальные и неофициальные зарубежные поездки партийных лидеров, участие в работе общества сближения с союзниками (Общество английского флага в г. Петрограде, Общество сближения с Англией в г. Москве), налаживание постоянных контактов с послами союзных держав.

Значительным внешнеполитическим событием в апреле–июне 1916 г. стала поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию и Италию. За короткий промежуток времени представители Думы и Госсовета встретились со всеми политиками, причастными к принятию внешнеполитических решений. Возглавил парламентскую миссию октябрист А. Д. Протопопов, роль неформальных лидеров сыграли кадеты П. Н. Миллюков и А. И. Шингарев. Для правительств союзных стран, состоявших в основном из социалистов, политические взгляды левого крыла российской делегации были наиболее близки. Поэтому именно либералов выдвинули на первые роли и они «представляли политическое лицо делегации»¹⁷. Обращает на себя внимание и численное превосходство оппозиционеров. Из 16 человек, принимавших участие в поездке, десять представляли парламентскую коалицию: В. Я. Демченко, М. М. Ичас, П. Н. Миллюков, А. Д. Протопопов, А. А. Радкевич, А. И. Шингарев, Б. А. Энгельгардт от Думы и А. В. Васильев, В. И. Гурко, А. Д. Олсуфьев от Госсовета.

Практически сразу в составе делегации наметилось некоторое разделение обязанностей. В. И. Гурко, П. Н. Миллюков, А. Д. Протопопов взяли на себя представительские функции, прежде всего занимаясь общеполитическими вопросами. Наибольшую активность проявил главный идеолог кадетской партии. По утверждению английского исследователя Т. Рихи, для Миллюкова эта поездка была не больше, не меньше «генеральной репетицией в роли будущего министра иностранных дел России»¹⁸. Владея практически всеми европейскими языками и прекрасно разбираясь в международной специфике, он наиболее часто выступал на различных официальных приемах. Поражает и огромное количество частных встреч

лидера конституционно-демократической партии, стремившегося наладить широкие связи не только с ведущими политиками Англии, Франции, Италии, но и с представителями политических кругов Швеции, Польши, Сербии, Чехии, Болгарии¹⁹.

Основное направление деятельности В. Я. Демченко, А. И. Шингарева, Б. А. Энгельгардта, входивших в думскую Военно-морскую комиссию, было связано с вопросами военно-технического и экономического сотрудничества. Депутаты собирали данные о выполнении военных заказов, выясняли перспективы получения новых кредитов на нужды армии и флота²⁰. В Лондоне они побывали на заводах, изготавливавших вооружение для России, во время посещения франко-германского и итало-австрийского фронтов изучали организацию тыла и военного дела у союзников.

Вернулись в Россию парламентарии перед самым окончанием летней сессии. В присутствии послов союзных держав 20 июня 1916 г. А. И. Шингарев выступил на предпоследнем заседании сессии Государственной думы с общим докладом о поездке в «духе священного единения России с ее союзниками»²¹. Более подробные отчеты депутатов были заслушаны на закрытом заседании думской Военно-морской комиссии. По экономическим вопросам выступил А. И. Шингарев, по техническим – В. Я. Демченко, о положении на Западном фронте рассказал Б. А. Энгельгардт. Наибольший интерес вызвал доклад П. Н. Миллюкова, посвященный отношению европейского общественного мнения к самым актуальным для России внешнеполитическим проблемам.

Подробно лидер конституционно-демократической партии остановился на вопросе дальнейшего развития межпарламентских связей с Англией, Францией и Италией. По его мнению, важно было закрепить достигнутые результаты и наладить «постоянное систематическое общение» Государственной думы с парламентами стран Антанты, тем более что формы сотрудничества законодательных учреждений в международной сфере были уже выработаны. «Во главе движения к объединению мысли союзных парламентов, – говорил Миллюков, – стоит Франция, палата которой давно организовала группу, составленную из представителей самых разнообразных политических партий, начиная с самых правых и кончая довольно левыми»²². Подобная группа существовала в Великобритании и формировалась в Италии.

Союзники обратились к Государственной думе с предложением войти в создаваемую межпарламентскую организацию. Предполагалось, что четыре раза в год, по числу стран участниц, представители союзных законодательных учреждений будут собираться на общее совещание. Петроград мог оказаться первой столицей, в которой прошло бы такое совещание²³. Депутаты полностью одобрили проект союзников. Выступая

за усиление роли Государственной думы в решении проблем внешней политики, они видели в его реализации огромный потенциал для развития отношений между Россией и демократическими государствами Запада.

Российская оппозиция весьма высоко оценивала свою внешнеполитическую деятельность и рассчитывала на поддержку союзников. Поездка парламентской делегации за границу наглядно показала заинтересованность правящих кругов стран Антанты в расширении контактов с либеральными партиями, налаживании эффективного межпарламентского сотрудничества. На заседании Военно-морской комиссии П. Н. Миллюков восклицал: «Может быть, некоторые из вас этому удивятся, но я должен сказать, что Прогрессивному блоку за границей верят... Там не только понимают важность Прогрессивного блока, не только понимают громадную значимость этой парламентской организации, но и на него переносят некоторые из тех упований, которые возлагали прежде на русскую оппозицию... у этой Думы остается в распоряжении только одна сессия, чтобы показать, что она представляет»²⁴.

Обострение внутреннего кризиса и усиление радикальных настроений привело к новому витку противостояния между Государственной думой и самодержавием. В ответ на последовательное давление власти на Прогрессивный блок, отказ от проведения умеренных социальных и политических реформ думская оппозиция развернула тотальное наступление на правительство, которое затронуло и сферу международных отношений. Рассчитывая вернуть политическую инициативу и усилить влияние Государственной думы в международных делах, лидеры оппозиции заявили о необходимости «взять внешнюю политику в свои руки». К вполне привычной критике правительства за поражения на фронте, плохое продовольственное снабжение, безответственную кадровую политику добавились обвинения в резком ухудшении отношений с союзниками, стремлении царизма к сепаратному миру и нежелании вести войну до полной победы.

Компрометирующие сведения по главным для страны внешнеполитическим вопросам появились в первой половине лета 1916 г., когда из правительства были удалены наиболее либеральные министры. Председатель Совета министров Б. В. Штюрмер сформировал почти однородный кабинет из деятелей крайне правого толка. Это был своеобразный вызов Прогрессивному блоку и стоящим за ним политическим партиям. Самой громкой стала отставка 7 июля 1916 г. министра иностранных дел С. Д. Сазонова, который был одним из создателей антигерманской коалиции и являлся для Запада своего рода гарантом союзнической лояльности России.

Особое беспокойство в Государственной думе вызвала кандидатура преемника Сазонова. Портфель руководителя внешнеполитического ве-

домства передавался Б. В. Штюмеру, имевшему весьма смутное представление о дипломатической службе и абсолютно не осведомленному в вопросах международной политики. Кроме того, бывший ярославский губернатор и церемониймейстер двора, известный своими крайне правыми и прогерманскими взглядами, был совершенно одиозной фигурой в глазах думской оппозиции и союзников по Антанте. Посол Франции М. Палеолог сообщал в Париж: «Штюмеру 67 лет. Как личность он ниже среднего уровня. Ума небольшого, мелочен, честности подозрительной, никакого государственного опыта и никакого делового размаха»²⁵. Английский посол Бьюкенен также был весьма прямолинеен: «Как реакционер с прогерманскими симпатиями, Штюмер никогда не смотрел благожелательно на идею союза с демократическими правительствами Запада, боясь, что будет создан канал, по которому либеральные идеи проникнут в Россию»²⁶. «После такого назначения, – писал в своих мемуарах Милюков, – не оставалось ничего невозможного. В публике вспоминали про назначение Калигулой своего любимого коня – сенатором»²⁷.

Периодические издания кадетов, октябристов и прогрессистов в один голос требовали конкретизировать основные внешнеполитические цели главы российского дипломатического ведомства. По мнению либералов, во Франции Бриан²⁸, в Англии Грей²⁹, как и Сазонов, символизируют собой определенные программы национальной и международной политики и в известной мере служат ее гарантией. «Имя же гофмейстера Штюмера в международной политике ничего не символизирует и не гарантирует, и вполне понятно, что и русское общественное мнение, и наши союзники с нетерпением ждут программных заявлений о его отношении к дипломатическим задачам великой войны», – писала газета «Речь»³⁰.

Сложившаяся репутация нового министра иностранных дел дала повод для появления многочисленных слухов о возможных кардинальных переменах во внешнеполитическом курсе Российской империи. «Без императора и без его ведома, – отмечал в дневнике посол Франции М. Палеолог, – камарилья императрицы старается дать русской политике новую ориентацию, иначе говоря, подготовить примирение с Германией»³¹. Впервые в стране и за рубежом открыто обсуждалась возможность измены России своим союзникам. И, несмотря на отсутствие каких-либо достоверных фактов, несмотря на заявления МИД о неизменности внешней политики, дебаты в российском обществе относительно «готовящегося предательства», «сепаратного мира с Германией» не прекращались.

Эксплуатируя слухи о германофильских симпатиях Штюмера и высказывая сомнения в способности правительства изменить эффективность военных действий, оппозиция давала понять союзникам, что в России есть политические

силы, настроенные более лояльно по отношению к Западу.

Заверения в союзнической верности на страницах периодики, яркие выступления в Государственной думе не остались без внимания. Быстрая дестабилизация политической ситуации заставляла дипломатов Англии и Франции все чаще обращаться к анализу перспектив самодержавия. Российские либералы, и особенно представители кадетов, прогрессистов, были для западных демократий наиболее подходящей политической альтернативой правящему режиму. Тесные контакты с лидерами либеральных партий давали хорошую возможность продемонстрировать поддержку думской оппозиции и в то же время оказать давление на царское правительство, вынуждая его пойти навстречу пожеланиям обществу.

Вернувшись из очередной зарубежной поездки, 30 сентября 1916 г. на заседании ЦК кадетской партии П. Н. Милюков сообщил, что собирал за границей компрометирующие сведения о деятельности Б. В. Штюмера на посту министра иностранных дел и решил выступить по этому поводу на заседании российского парламента. Он также заверил соратников в готовности Запада «поддерживать борьбу русских либералов с бюрократией и темными силами» как во внутренней политике, так и в области международных отношений³².

Во второй половине октября 1916 г. на совещаниях Прогрессивного блока и заседаниях центральных органов либеральных партий было принято решение активизировать политическую борьбу и добиваться скорейшей отставки Совета министров. Для этого предполагались «применение всех парламентских средств» и консолидация большинства Государственной думы. «Мы должны взять в свои руки не только внутренние дела, но и всю внешнюю политику, парализовать германские закулисные влияния и вывести гофмейстера Штюмера на чистую воду», – призывал соратников П. Н. Милюков³³. В условиях разраставшегося внутреннего кризиса оппозиция все больше склонялась к решительным действиям по отношению к власти.

Единственным сдерживающим фактором для либералов стало опасение спровоцировать в стране революционный взрыв. Они прекрасно осознавали, к каким катастрофическим последствиям может привести революция во время мировой войны. Неслучайно лидеры оппозиции неоднократно подчеркивали, что задача состоит не в том, чтобы «добывать правительство, что означало бы поддерживать анархию, а влить в него совершенно новое содержание, т. е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры»³⁴. Однако в сложившейся обстановке, когда прежние методы и средства воздействия на власть себя исчерпали, чувство меры оставило российских либералов.

1 ноября 1916 г., после четырёхмесячного перерыва, IV Государственная дума собралась на зимнюю (последнюю) сессию. На первом же заседании оппозиция пошла в наступление. Главным событием стала речь Милюкова, выступившего с резкой критикой внутреннего и внешнего курса кабинета Б. В. Штюрмера. По мнению лидера конституционно-демократической партии, власть не желала соблюдать минимальные условия, крайне необходимые для внутреннего мира, и была не способна справиться с положением на фронте. Огромная пропасть между правительством и обществом только увеличивалась и становилась непреодолимой. «Мы по-прежнему стремимся к полной победе, по-прежнему готовы нести необходимые жертвы и по-прежнему хотим поддерживать национальное единение. Но я скажу открыто: есть разница в положении. Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе», – подчеркивал в своем выступлении кадетский оратор³⁵.

Заявление о недоверии исполнительной власти со стороны Государственной думы было лишь началом скандальной речи. С кафедры российского парламента П. Н. Милюков обвинил председателя Совета министров Б. В. Штюрмера и группу лиц, близких к императрице, ни много ни мало в государственной измене и предательстве национальных интересов страны. «Я вам назову этих людей, – восклицал лидер кадетской партии, – Протопопов, Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та придворная партия, победою которой, по словам “Нойе Фрейе Прессе”, было назначение Штюрмера – победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой Царицы»³⁶.

У думской оппозиции не было сомнений в том, что именно названные политические силы ведут целенаправленную работу по скорейшему выходу России из войны и подготавливают почву для позорного мира. «Господа, я не хотел бы идти навстречу излишней, быть может, болезненной подозрительности... Но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами?» – продолжал лидер оппозиции, обращаясь к депутатам Государственной думы³⁷.

Основные обвинения П. Н. Милюкова заключались в резком ухудшении отношений с союзниками по Антанте и желании придворной камарильи заключить сепаратный мир с Германией. Действительно, с середины 1916 г. характер отношений царского правительства и союзников начинает меняться. Дипломаты Англии и Франции приходят к общему неутешительному выводу – премьер Штюрмер стоит во главе прогерманской партии в России и представляет главную опасность для англо-франко-русского союза. «Я допускаю отныне возможность выхода России из войны, и французское правительство должно

учитывать это при своих политических и стратегических расчетах», – писал в своих донесениях в Париж М. Палеолог³⁸.

В странах Антанты и внутри самой России больше не было полной уверенности в том, что самодержавие будет продолжать войну до полной победы. И в этом случае достоверность или ложность слухов о сепаратных переговорах не имела большого значения. Для оппонентов власти важна была прежде всего сама потенциальная возможность изменения внешней политики России если не посредством царя и правительства, то (при определенных обстоятельствах) через царицу и «придворную партию».

И союзники, и либералы понимали – свершившиеся перестановки в российском правительстве означают серьезное ослабление прозападных сил и неизбежное укрепление сторонников Германии. Обеспокоенность вызывала не только текущая ситуация, но и ближайшие перспективы союзнических отношений. Со Штюрмером во главе правительства сразу после окончания мирового конфликта и вне зависимости от его исхода Российская империя вполне могла разорвать союз с Антантой и вступить в коалицию с Германией. Сохранение союза с Англией и Францией не только на период войны, но и в дальнейшем ставилось думской оппозицией как важнейшая внешнеполитическая задача.

В интересах борьбы за власть в своей речи П. Н. Милюков сознательно подогревал недоверие к правительству. Существовавшие предположения выдавались за действительно свершившиеся факты. В качестве подтверждения «измены» в правящих кругах лидер конституционно-демократической партии использовал материалы из периодической печати и сведения, полученные во время встреч с русской эмиграцией в Швейцарии. Не имея никаких доказательств, он приводил цитаты из германской и австро-венгерской периодики, которые якобы свидетельствовали о налаживании неких контактов между Штюрмером и кайзеровским правительством. Так надуманные и непроверенные материалы легли в основу кадетского компромата.

«Все понимали, что в Думе Милюков должен был говорить иносказательно, и вкладывали в его речь больше, чем в действительности было сказано. Для ответственного заявления “испытанного вождя оппозиции” должны были, очевидно, иметься солидные данные. И никто не мог предполагать, что у Милюкова, в сущности, никаких материалов не было. Надо признать, что в историческом уже аспекте “знаменитая” речь поражает своей необоснованностью во всех частях», – отмечал очевидец событий С. П. Мельгунов³⁹. Однако в первые дни ноября 1916 г. слабая аргументация выступления осталась практически не замеченной.

Помимо нашумевших обвинений в государственной измене, П. Н. Милюков затронул целый перечень проблем, с которыми правительство

либо не справилось, либо сознательно не хотело их решать. Неэффективная организация тыла, провал военной кампании в Румынии, промедление в решении польского вопроса, безответственная кадровая политика – вот только часть вопросов, доказывавших, по мнению кадетского лидера, «неспособность и злонамеренность» данного состава Совета министров⁴⁰.

«Что это, глупость или измена?» – спрашивал после каждого удачного выпада в адрес правительства П. Н. Миллюков. «Измена!» – кричал в ответ взволнованный зал. «Аудитория, – вспоминал впоследствии лидер кадетской партии, – решительно поддержала своим одобрением второе толкование даже там, где я не был в нем вполне уверен»⁴¹.

Речь П. Н. Миллюкова задавала тон всем последующим выступлениям в Государственной думе. Радикальная критика власти была продолжена ведущими вождями оппозиции – И. Н. Ефремовым, А. Ф. Керенским, В. А. Маклаковым, В. В. Шульгиным. Все они были единодушны в оценке царского правительства и выступили с требованием немедленной отставки кабинета Б. В. Штюрмера. «Мы заявляем этой власти: либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна», – восклицал 3 ноября 1916 г. один из влиятельных лидеров Прогрессивного блока В. А. Маклаков⁴².

Правительство пыталось защищаться от несправедливых обвинений. На следующий день после речи Миллюкова Б. В. Штюрмер обратился в Совет министров с заявлением о привлечении лидера кадетской партии к суду за распространение откровенной клеветы. Цензура запретила публиковать и даже комментировать речь Миллюкова. Но запрет, как всегда бывает в подобных случаях, только усилил интерес ней и создал колоссальную рекламу. Распечатанная на машинке, переписанная от руки, скандальная речь была распространена в миллионах экземпляров в действующей армии и по всей России.

Риторический вопрос, прозвучавший в речи известного идеолога кадетов – «Что это, глупость или измена?» – сопровождал любые действия царского правительства. Этот вопрос задавала вся страна, и каждый делал однозначный вывод. Обществу в тот период легче и комфортнее было считать причиной военных неудач, хозяйственного расстройств страны измену и предательство, нежели задуматься о более глубоких и существенных причинах этих явлений.

Выступления лидеров либеральных партий вызвали большой резонанс и привели к серьезным политическим последствиям, по сути спровоцировав правительственный кризис. Доверие к сказанному с думской трибуны было огромным. Самые нелепые слухи, убийственные для самодержавной власти, получали авторитетное подтверждение в речах парламентских ораторов. Уже 11 ноября 1916 г. мощное общественное давление заставило Николая II отправить кабинет Штюрмера в отставку.

Информационная кампания по дискредитации и подрыву авторитета самодержавия в области внешней политики достигла своей цели. Правящему режиму был нанесен сильнейший удар, от которого он так и не смог оправиться. Пытаясь вынудить правительство пойти на уступки и тем самым предотвратить революцию, либералы в действительности во многом способствовали дестабилизации режима и дальнейшему накалу политической обстановки в стране. Однако и власть не собиралась сдавать своих позиций. Новым премьером стал А. Ф. Трепов, проверенный царский сановник, возглавлявший министерство путей сообщения.

Заседания Государственной думы возобновились 19 ноября 1916 г. Выступая с правительственной декларацией, председатель Совета министров заявил о своем желании наладить плодотворную работу с парламентом. Опровергая слухи о сепаратном мире, А. Ф. Трепов заверил депутатов, что война будет доведена до полной победы и «преждевременного мира, а тем более мира, заключенного отдельно от наших союзников, не будет никогда»⁴³. Центральным моментом выступления должно было стать сообщение о заключении в 1915 г. соглашения с союзниками, гарантировавшего право России на Константинополь и проливы. Однако фраза премьера о «ключе от Босфора и Дарданелл», «исконной и заветной мечте русского народа во все времена его бытия» упала в пустоту. Парламентарии, обычно активно включавшиеся в обсуждение насущных внешнеполитических проблем, оставили внешнеполитическую часть декларации без комментариев. Декларация, не содержащая конкретных целей, программы правительства, не произвела желаемого впечатления и получила негативную оценку даже со стороны правых партий⁴⁴.

2 декабря 1916 г. в Государственной думе состоялся дебют нового министра иностранных дел Н. Н. Покровского. Глава внешнеполитического ведомства России выступил с подробным разъяснением позиции правительства по продолжению мирового конфликта. Депутаты были проинформированы о том, что российский МИД отклонил австро-германское мирное предложение, которое распространили центральные державы 29 ноября 1916 г.

Парламентарии безоговорочно поддержали выступление Н. Н. Покровского о «недопустимости преждевременного мира с врагом», посчитав необходимым дать свою оценку антивоенным инициативам противника. «Государственная Дума единодушно присоединяется к решительному отказу союзных правительств вести какие бы то ни было переговоры о мире при настоящих условиях и со своей стороны полагает, что германское предложение мира является лишь новым доказательством ослабления наших противников и лицемерным шагом, рассчитанным... лишь на общественное мнение Германии», – говорилось

в заявлении, которое было сделано от имени российского парламентом председателем бюро Прогрессивного блока С. И. Шидловским⁴⁵. Все ведущие политические партии, представленные в Государственной думе, подтверждали свою готовность довести войну до полной победы.

Стремительное разрастание общенационального кризиса не позволило российскому парламенту в дальнейшем вернуться к рассмотрению международных проблем. Но вплоть до Февральской революции главными внешнеполитическими приоритетами в деятельности думского большинства по-прежнему оставались, во-первых, обеспечение необходимых условий для продолжения войны и, во-вторых, укрепление союза России со странами Антанты.

В январе-феврале 1917 г. во время союзнической конференции, проходившей в Петрограде, депутаты уделили большое внимание налаживанию контактов с влиятельными представителями союзников (А. Мильнером, Г. Думергом, В. Шалойа), активно участвовали в официальных и неофициальных приемах, где обсуждались вопросы послевоенного устройства Европы и мира, координация военно-технического сотрудничества, перспективы взаимодействия в экономической сфере. 23 января 1917 г. была устроена торжественная встреча союзников в стенах Государственной думы. «Появление членов делегации почти в полном составе вместе с послами и политическими деятелями в залах Таврического дворца, несомненно, не останется бесследным в летописях нашей внутренней жизни»⁴⁶, — отмечала либеральная пресса. Контакты на парламентском уровне открывали новые возможности для успешного развития отношений с демократическими государствами Запада. А твердые заверения в неизменности внешнеполитического курса как представителей власти, так и представителей оппозиции служили в глазах правительств и общественного мнения западных стран некоторым залогом устойчивости и последовательности внешней политики России.

Таким образом, с появлением Прогрессивного блока борьба либералов с самодержавием стала затрагивать не только военные и внутривнутриполитические проблемы, но и сферу международных отношений. Выступления парламентариев по наиболее насущным вопросам внешней политики в Государственной думе, расширение связей с государственными и общественными деятелями стран Антанты способствовали усилению роли межпартийной коалиции и самого российского парламента в международных делах. Обращает на себя внимание тот факт, что в самый разгар февральской революции, еще до образования новой власти, руководство МИД спешит установить связь с думской оппозицией, а вся «дипломатическая переписка, пришедшая на Финский вокзал», доставляется к П. Н. Милюкову (специализи-

ровавшемуся в Думе на внешнеполитических вопросах)⁴⁷.

Между тем активизация оппозиционной деятельности, борьба за влияние на внешнюю политику государства привели к тому, что к началу 1917 г. лидеры думских фракций стали одними из самых известных и популярных политиков России. Именно усиление значения оппозиционных партий в Государственной думе и российском обществе за несколько месяцев до начала революции позволило им в ходе февральских событий встать во главе многих революционных процессов, получить большинство мест во Временном правительстве первых составов и напрямую влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны в марте-октябре 1917 года.

Примечания

- 1 См.: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). М., 2003; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. М., 1967; *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975; *Pearson R.* The Russian moderates and the crisis of tsarism, 1914–1917. L., 1977; *Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974 и др.
- 2 Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1248.
- 3 См.: *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. С. 223; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. Стенограммы заседаний бюро блока // Красный архив. 1932. № 1–2. С. 129–137.
- 4 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. М., 1996. Т. 3. С. 181.
- 5 Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. Стенограммы заседаний бюро блока // Красный архив. 1932. № 3. С. 157–158.
- 6 Там же. С. 158.
- 7 См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции): в 5 т. М., 1997. Т. 5. С. 509.
- 8 Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. Стенограммы заседаний бюро блока // Красный архив. 1932. № 3. С. 158.
- 9 Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 134. Оп. 473. Д. 129. Л. 1.
- 10 Там же. Л. 2.
- 11 Там же. Л. 2.
- 12 *Родзянко М. В.* Крушение империи // Архив русской революции: в 2 т. М., 1993. Т. 17. С. 119.
- 13 Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3243–3255.
- 14 Там же. Стб. 1427–1432, 3248–3282.
- 15 Там же. Стб. 3276–3277.
- 16 Там же. Стб. 3278–3282.

- ¹⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 199.
- ¹⁸ Riha T. Russian European: Paul Miliukov and the Russian Politics. N.Y., 1969. P. 242.
- ¹⁹ Дневник П. Н. Миллюкова. Весна-лето 1916 года // Красный архив. 1932. № 5-6. С. 5–23.
- ²⁰ См.: Доклад А. И. Шингарева в Военно-морской комиссии Государственной думы 20 июня 1916 г. // Красный архив. 1934. № 3. С. 5–12.
- ²¹ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2. С. 220.
- ²² Доклад П. Н. Миллюкова в Военно-морской комиссии Государственной думы 19 июня 1916 г. // Красный архив. 1933. № 2. С. 6.
- ²³ Там же. С. 6.
- ²⁴ Там же. С. 15.
- ²⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 36.
- ²⁶ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 175.
- ²⁷ Миллюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 33.
- ²⁸ Бриан Аристид (1862–1932) неоднократно возглавлял правительство Франции и занимал министерские посты, с октября 1915 по декабрь 1916 г. председатель Совета Министров и министр иностранных дел.
- ²⁹ Грей Эдуард (1862–1933), министр иностранных дел Великобритании в 1905–1916 гг.
- ³⁰ Речь. 1916. 17 июля.
- ³¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 123.
- ³² См.: Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 273.
- ³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 27. Л. 15.
- ³⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3. С. 359.
- ³⁵ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия V. Стенографические отчеты. Пг., 1916–1917. Стб. 42.
- ³⁶ Там же. Стб. 44.
- ³⁷ Там же. Стб. 45–46.
- ³⁸ Палеолог М. Указ. соч. С. 117.
- ³⁹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2007. С. 113.
- ⁴⁰ См.: Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия V. Стенографические отчеты. Стб. 48.
- ⁴¹ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. С. 237.
- ⁴² Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия V. Стенографические отчеты. Стб. 146–147.
- ⁴³ Там же. Стб. 254.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 259–284.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 539–540.
- ⁴⁶ Речь. 1917. 23 января.
- ⁴⁷ См.: Савинский А. А. Февральская революция 1917 г. Свидетельства русского дипломата // Международная жизнь. 1993. № 2. С. 85; Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 241–242.

УДК [94(410):327]|1988|+929 Тэтчер

БРЮГГСКАЯ РЕЧЬ М. ТЭТЧЕР

Е. А. Порецкова

Саратовский государственный университет
E-mail: pe-a@mail.ru

В статье анализируется речь М. Тэтчер, произнесенная 20 сентября 1988 г. в Брюгге (Бельгия). Особое внимание уделено принципам новой стратегии премьер-министра Великобритании, отстаивающей национальные приоритеты в интеграционных процессах.

Ключевые слова: Великобритания, Маргарет Тэтчер, европейская интеграция, национальный суверенитет, евроскептицизм.

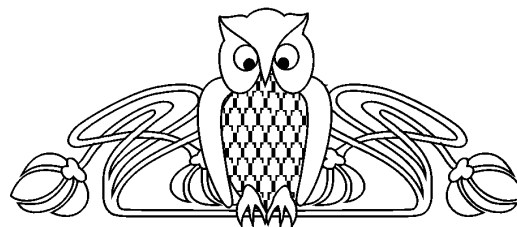
Margaret Thatcher's Speech at Bruges

Е. А. Poretskova

The article describes the Address given by Margaret Thatcher (Bruges, 20 September 1988). Particular attention is paid to principles of Prime Minister's strategy, which are pursuing the priority of national interests in the integration processes.

Key words: Britain, Margaret Thatcher, European integration, national sovereignty, Euroscepticism.

С момента принятия Единого Европейского акта (1986), в котором была сформулирована за-

дача преобразования Европейских сообществ в Европейский союз, странам ЕЭС приходилось преодолевать многочисленные противоречия, возникающие между национальными и общеевропейскими интересами. Сложность интеграционных процессов вызвала бурную дискуссию европейской политической элиты. Самым ярким её проявлением стала речь «Великобритания и Европа», произнесенная М. Тэтчер в европейском колледже Брюгге (Бельгия) 20 сентября 1988 года.

Отечественные исследователи сходятся во мнении, что брюггская речь – наиболее важное из всех программных выступлений британского премьер-министра, передающее специфику её восприятия идеи европейского строительства¹. Среди зарубежных учёных такого единства в оценках нет. Специалисты-евроскептики считают, что брюггская речь М. Тэтчер показала итоговую несовместимость процесса европейской интеграции с британскими национальными интересами². Исследователи же проевропейских взглядов